

УЗНИК

Из книги раввина Соломона Альтера Хальперна «Узник и другие истории о вере»,
публикации издательства «Фельдхайм» (ул. Тахкемони, 39, Иерусалим)
напечатано здесь с разрешения автора

И прожил Терах семьдесят лет, и родил Аврама, Нахора и Харана. И вот родословие Тераха: Терах родил Авраама, Нахора и Харана. И умер Харан при жизни Тераха, отца своего, в своей родной стране, Уре Касдимском. И взяли Аврам и Нахор себе жен: имя жены Авраама – Сарай, а имя жены Нахора – Милка, дочь Харана, отца Милки и Иски. Но Сарай была бесплодна, - она не могла рожать детей. И взял Терах Аврама, сына своего, и Лота (сына Харана, сына своего), и Сарай, невестку свою (жену Аврама, сына своего), и вышли они вместе из Ура Касдимского в направлении земли Кнаан, но когда дошли до Харана, то задержались и осели там. И было лет жизни Харана двести пять, и умер Терах в Харане.

[Брейшит, 11 : 26 – 32]

В тронном зале столпились придворные и местная знать. Царь Нимрод-Амра-Фул наносил ежегодный визит в свою южную столицу Ур и в храм Наннара, бога Луны, Верховной жрицей которого была сама царская дочь.

Зал утопал в роскоши. Колонны были облицованы золотом с вставками из драгоценных камней. На стенах висело множество картин: Царь во главе своей гвардии. Царь, вершащий суд. Царь, принимающий дары от вассалов. И - снова и снова - царь на охоте на разных диких зверей, ибо Нимрод с гордостью считал себя славным охотником. Его правление даже облегчило жизнь фермерам, ибо он перебил большинство диких зверей, которые в прошлом были наваждением для полей и скота. В некоторых районах страны даже стали редкостью львы.

Протрубили трубы, и трижды ударил гонг с позывными. В зале воцарилась тишина. В дальнем его конце появился королевский глашатай в сопровождении двух гвардейцев в парадной форме и зычным голосом объявил:

- Величайте самого прославленного властелина и защитника! Выдающегося охотника, воина и строителя! Владыку всех людей и правителя всех богов! Верховного жреца могучего бога огня Осрам-Мазды! Царя царей, его королевское величество Нимрода-Амра-Фула!

Протрубили королевские фанфары, и затем, со знаменосцами впереди, в окружении гвардейцев и в сопровождении Верховной жрицы, магов, советников и множества жрецов самых разных богов, в зал вошел царь. Все низко поклонились.

После того, как к царю пришли с поклоном и отдали формальные приветствия наместник и различные делегации, глашатай объявил:

Узник

- Кто ищет справедливости? Кого притесняют? Пусть выйдет и представит дело справедливейшему славному царю!

На минуту воцарилось молчание, а затем вперед выступил один из сановников храма.

- Соизвольте, Ваше величество, - начал он. – Перед нами случай богохульства и святотатства. Это важнейшее дело, ибо оно касается всех богов, и мы молим Ваше Величество выслушать его.

Король кивнул в знак согласия, и в зал ввели группу людей под стражей.

- Кто обвинитель? – потребовал царь. Вперед выступил пожилой человек и поклонился:

- Я, Ваше Величество, Терах, сын Нахора, скульптор и придворный изваятель статуй богов.

- А кто обвиняемый?

Двое стражников ввели четырнадцатилетнего мальчика. Его руки были связаны, и одет он был в тюремную одежду. Но такой одухотворенностью и волей светились его большие темные глаза, и так бесстрашно он держался, и такое спокойствие и решимость было выражено в его красивом молодом лице, обрамленном черными кудрями, что у некоторых из наблюдавших невольно вырвались возгласы восхищения.

- Ваше Величество, - сказал узник, - меня зовут Аврам, сын Тераха.

Царь в недоумении посмотрел на отца.

- Ты обвиняешь в тяжком преступлении собственного сына? И такого молодого? Как это понимать? Неужели ты сам не можешь уследить за своим сыном?

- Ваше Величество, - ответил изваятель идолов, - как бы я был рад, если бы мне не пришлось приводить сына на суд, ибо его я люблю. Но он действительно совершил тяжкие преступления, и далеко не один раз, и мои наказания не помогли. Он не страшится ни избиения, ни заточения. Единственное, что на него действует, - это уговоры и убеждения, но тут он дает такие ответы, что я и сам запутался в вопросах истины. Поэтому не о наказании молю я Ваше Величество, а о справедливости. И если его признают невиновным, я буду более, чем рад.

Царь внимательно изучил лицо мальчика, затем обратился к отцу:

- Предъявляй свои обвинения!

- Ваше Величество, - сказал Терах, - этот мальчик многократно говорил неуважительно о великих богах, подвергая сомнению их силу и даже их существование. В некоторых случаях он говорил прихожанам моего домашнего храма, что их жертвы напрасны, что – простите меня за повторение – что великие боги не могут ни помочь человеку, ни навредить ему. Каждый раз я просил людей не обращать на него внимания и сам его наказывал. Он молод годами, но в своем искусстве говорить с людьми и убеждать их в своей правоте он подобен старцу. Даже его брат, мой сын Харан, сам уже женатый мужчина и отец, начал выражать сомнения о богах из-за этого мальчика и его возмутительных идей.

- Где этот твой сын Харан, а которым ты упомянул? – перебил Нимрод.

Узник

- Он здесь, - сказал Терах. – Он пришел посмотреть, что станется с братом, к которому очень привязан. Но он сказал, что жрецы не сумеют дать Авраму достойный ответ.

Пока он говорил, от собравшейся толпы отделился человек и поклонился Нимроду:

- Ваше Величество!

Царь окинул его холодным взглядом и сказал:

- Я уверен, что жрецы и мудрецы смогут ответить на твои вопросы, если только захочешь прислушаться к их словам. Но с твоими вопросами можно пока подождать. Не будем отвлекаться от дела твоего брата.

И вновь обратился к отцу:

- Продолжай!

Терах продолжил свой рассказ.

- Последний проступок Аврама был настолько серьезным, что мне пришлось сообщить жрецам.

- Что сделал?

- Примерно месяц назад, когда мне надо было пойти на рынок, я оставил его одного в мастерской и велел ему позаботиться о том, чтобы никто не прикасался к священным статуям. Но когда я вернулся, все статуи лежали на полу, разбитые вдребезги, кроме одной – статуи Наннара. Перед ним лежало блюдо с приношениями, а возле него валялась тяжелая дубинка. Когда я спросил мальчика, что случилось, он сказал, что одна женщина принесла свою жертву богам, а они перессорились из-за еды, и в конце концов Наннар взял дубинку и перебил всех остальных. Я, конечно, не ученый жрец, но я в жизни не видел, чтобы статуя шевелилась и двигалась с места, и никто из жрецов, которых я опросил, тоже не видел. Значит, это сам мальчик разбил все статуи и выдумал эту кошунственную историю.

Царь повернулся к Авраму:

- Это правда?

- Да, Ваше Величество, - ответил Аврам, - я разбил статуи.

- Почему? – строго спросил царь.

- Потому что я хотел заставить отца признать, что боги не могут двигаться. А если они не могут даже пошевелиться в целях самозащиты, то они тем более не могут делать человеку добро или зло!

Из толпы присутствующих послышались возгласы возмущения, но царь поднял руку, и толпа смолкла. Он задумался на минуту, затем сказал:

- Разве ты не знаешь, что так нельзя? Что в нашей стране каждому разрешено поклоняться тем богам, каким захочет? Но никому не дано мешать служению других. Нарушителя накажут боги и я, их наместник на земле. Каким же богам поклоняешься ты? Белу?

Узник

- Ваше Величество, - ответил узник, - ни Белу, ни какой-либо другой силе. Есть только один, истинный Б-г, Он – Господин солнца и луны, и всего остального, и наш Господин тоже.

- Кто этот Б-г? Ты его видел? И кто тебе о нем рассказал?

- Я не видел этого Б-га, Ваше Величество, - ответил Аврам, - и Он со мной не говорил. Я даже не знаю Его имени и потому называю Его просто «Г-сподь». Никто мне о нем не рассказывал, но все же я знаю, что Он существует.

Он говорил так твердо и бесстрашно, что все присутствующие забыли, что перед ними узник, жизнь которого решается на этом суде, - и всего лишь мальчишка. Его слушали серьезно и пытались найти доводы, чтобы переубедить его.

Вновь заговорил царь:

- Если ты не видел его и не слышал о нем, то как же можешь о нем знать?

- Когда мне было еще года три или четыре, - начал Аврам, - я начал ощущать, что должен же быть кто-то, кто-то чрезвычайно могущественный и чрезвычайно добрый, Кто дает мне жизнь и все остальное, что мне дано...

- Да, - вставил царь, - это истинное религиозное чувство. Ты, может быть, еще станешь жрецом. Продолжай.

- Моя няня рассказывала мне истории о богах, но я не чувствовал, что кто-либо из них являлся той высшей силой, что я ощущал. Они скорее походили на людей: завидовали друг другу, воевали друг с другом...

- Об этом не волнуйся! – заявил царь. – Эти тайны объяснит тебе любой жрец, - если ты, конечно, достоин этого!

- Затем, - продолжил Аврам, - когда я вышел на свет из тьмы...

- Что ты имеешь в виду? – перебил Нимрод.

- Из темницы, Ваше Величество, - сказал узник, - я жил в темном подвале под домом отца и вышел оттуда только года два назад.

- Это что такое? – строго спросил царь Тераха. – Почему ты держал ребенка в подвале?

Терах смертельно побледнел и упал ниц перед царем.

- Встань и отвечай! – гремел Нимрод. – Что ты скрываешь от своего царя?

Терах с трудом повиновался.

- Ваше Величество, моя жизнь в Ваших руках, ибо я повинен в великом грехе. Когда родился этот мальчик, предсказатели и астрологи сказали, что, когда он вырастет, то откажется повиноваться царю. Именем Вашего Величества мне было приказано выдать его властям на казнь. Но я проявил слабость. Любя своего сына, я не прислушался к предупреждениям и не повиновался царскому приказу. Я упрятал ребенка. Вместо него я сдал властям тело ребенка рабыни, который только что умер. О горе мне, что сохранил я жизнь богохульнику!

Узник

После минутной тишины царь ответил сурово:

- Твой грех воистину тяжек, но пока что я не выношу вердикт об этом деле. Это непростой случай: быть может, это случилось по воле богов, чтобы увеличилась их слава. Если это произойдет, то, может быть, тебе будет дарована жизнь.

Затем, обращаясь к Авраму, он сказал более мягко:

- Продолжай свой рассказ.

- Когда меня вывели из темницы, - продолжил Авраам, - в ту первую ночь я был очень возбужден и сторал от любопытства наконец увидеть мир и великий свет, о котором я столько слышал. В ночной тьме дом выглядел почти так же, как подвал, только опрятнее и с лучшего рода мебелью. Но снаружи – я увидел небо и безмерное пространство – темное, но гораздо светлее того, что было в темнице, когда гасла свеча. И оно было такое огромное! И я испугался: кто знает, что может скрываться там, в том великом внешнем мире? Я очень много думал об этом новом мире, который мне открылся снаружи темницы. Все это было настолько новым для меня, что я не спал всю ночь. Затем с одной стороны неба начал пробиваться сероватый луч света. Вскоре он стал красным. Красным с множеством оттенков. Он все время изменялся и становился ярче и ярче. Затем вспыхнул великий белый свет, такого яркого я еще не видел. Я стоял и смотрел зачарованный, и не мог отвести глаз от этого яркого света. Затем взошло само солнце, медленно, величественно. Меня объял страх, но, хотя я дрожал, я все равно не мог оторваться и продолжил взирать на этот великий свет, пока солнце не взошло уже высоко, и затмило все своим светом. И я упал вниз лицом и закрыл глаза...

В огромном зале воцарилась тишина.

- Ты видел Шамаша во всей красе, - промолвил, наконец, царь. – Я начинаю понимать, почему боги хотели, чтобы ты вырос в темнице. Выйдя из тьмы, ты увидел то, что дается немногим, просто потому, что они всегда знали свет. Да... И что случилось дальше?

- Весь тот день, - продолжил Аврам, я просидел в самом темном углу дома, - ибо был все еще ослеплен светом, - и думал о том, что видел. Конечно, - носилось у меня в голове, - это, должно быть, и есть тот высший бог, которого я столь долго искал. И все же он не был похож на то, что я воображал. Я видел мощь, невероятную, великую силу, и даже сидя там, в темном углу, я продолжал видеть тот свет и ощущать тот великий жар. Но я не видел ни милосердия, ни добра. Я ни с кем об этом не говорил из страха, что меня не поймут, как никогда не понимали мои мысли о богах, что на меня будут сердиться и называть грешником или глупцом. Но я не переставал думать: неужели все это время я был не прав, неужели мой Б-г действительно был вовсе не таким, каким я его ощущал? А если так, то кто же дал мне жизнь? От кого вся еда и питье? Кто меня излечил, когда я болел? Кто преисполнил меня мужеством и надеждой, когда я был в страхе и в одиночестве, и кто меня утихомирил, кто я был зол и беспокоен? Кто все время говорил мне – без слов – что Он добр и милосерден, и что мы тоже должны быть добры и милосердны, как Он? А этот новый, что излучал такой яркий свет, был могучим и ужасным, но никак не милосердным...

- Да, - заметил царь, - Шамаш! Он действительно могучий и ужасный. Я видел в пустыне побелевшие кости людей и животных, которых поразили он в гневе. Я видел обожженную землю в тех регионах, где он одержал победу над богом дождя и обрек тысячи людей на смерть от засухи. Да, Шамаш воистину безжалостен в своем гневе. Поэтому мир не смог

Узник

бы существовать, если бы его не сдерживали другие боги. Но скажи, что ты решил в тот день?

Зал умолк. Жрецы, придворные и гвардейцы были зачарованы рассказом мальчика, этого мальчика, который посмел иметь собственное мнение о богах, и который может еще сам оказаться полубогом, - ведь ему удалось очаровать самого Нимрода Грозного и заставить его отнестись серьезно к его несслыханным идеям!

Мальчик продолжил:

- В тот день я не нашел ответа. Я сидел по отдельности от всех, не реагировал, когда меня окликали, и не дотрагивался до еды. И только когда угас свет, настала ночь и зажглись свечи, я перестал бояться. При этом более мягком свете я чувствовал себя более безопасно и умиротворенно, но я страшно устал. Мать дала мне кружку молока и уложила меня спать. Не знаю, сколько я спал. Когда я проснулся, мне было холодно и одиноко. В большом доме все спало, но издалека ко мне доносились странные звуки воя и лая, и вопли, похожие на злой смех. Я был так напуган, что не мог пошевелиться или даже позвать на помощь. Затем я увидел на полу у своей кровати мягкий, белый свет. И это светлое пятно медленно придвигалось ко мне, пока не упало на меня самого. Тогда я взглянул в окно и увидел, что на небе сияет чудный, бледный свет, что-то наподобие лица, такое мягкое и умиротворенное... Оно глядело на меня и, казалось, говорило: «Не бойся, даже во тьме я храню тебя». И я подумал: «Вот тот, о ком я знал в душе, теперь он пришел и успокоил меня».

- Наннар, - мягко сказал царь, - мирный Наннар, милосердно излучающий свет во тьме.

- Но было по-прежнему холодно, - продолжил мальчик. – Продолжался вой и рычание, затем, хуже, послышались человеческие вопли, крики о помощи, стоны боли - а дальше только стенания и рыдания. И я сказал себе: «Он красив и мягок, но слаб. Он не может помочь». Он отдалился от окна, и я встал и выглянул из окна, чтобы вновь увидеть него. Он по-прежнему улыбался, но не помогал. И он спускался все ниже и ниже по небосклону, и в конце концов скрылся из виду. А затем с другой стороны неба появился тот же серый луч света, что и в предыдущий день, а потом и красный, а за ним и великий белый свет... и вдруг я понял!

- Что ты понял? – резко спросил Нимрод.

- Я понял, что ни тот, ни другой не был Б-гом, которого я ждал, а что оба были Его слугами, которые всегда должны исполнять то, что Он на них возложил. Они вынуждены либо быть жестокими, либо жестоко стоять в стороне и не приходить на помощь. Но мы - люди, в нас заложен дух живого Б-га, который велит нам помогать страдающим и неимущим, повелевает нас защищать беспомощных от злых людей и зверей. Тот, Кто нам это говорит и призывает человека к добру, - Он и есть истинный Б-г. И Тот, Кто сотворил себе таких могучих слуг, Сам тоже обладает силой и могуществом, чтобы помочь нам делать Его дело, творить и распространять добро по всему миру. И с того дня я уже никого не боялся и посвятил себя делу Б-га и проповедям о нем.

Он кончил свой рассказ. Никто не говорил ни слова. Теперь все глаза устремились к царю, но тому тоже нечего было сказать. И он обратился к Ану-ки, старейшему из жрецов:

- Ты когда-либо слышал подобное?

Узник

- Ваше Величество, - сказал седой старец, - Когда я был молод, старики рассказывали, что полубоги, которые жили давным-давно, еще до Великого Потопа, а также сам Утанапиштим-Ноах, который спасся от Потопа и стал отцом всего человечества, - они знали такого Б-га всех богов. Но они нам говорили, что познать Его могут только полубоги, а не простые люди. Мы, смертные, не смеем даже пытаться приблизиться к Верховному Б-гу, ибо мы не достойны Его внимания. Мы не в состоянии поклоняться Б-гу, Которого мы не видим и которого мы не можем даже представить себе и понять. Наши боги действительно слуги Великого Б-га, но как провинциальный крестьянин должен почитать слуг царя и поклоняться им, а самого царя видеть не может, так и мы, смертные, должны почитать бессмертных, но не пытаться постигнуть тайны, которые не для нас, а то умрем. Ведь разве не слепнет человек, который слишком много смотрит на Шамаша в его славе? А тот, кто бросает вызов богу бури, разве не поражается горячей стрелой его молнии? Вот, куда занесло этого ребенка в его чрезмерно дерзких поисках, - он жаждет Б-га, которого не сможет познать, - а между тем пренебрегает богами, перед которыми должен трепетать! Своими опасными идеями и богохульными речами он сделал себя врагом всего святого. Он, наверное, даже себя считает выше богов, - ведь он сам признался, что перебил святых идолов! Он должен покаяться, - не то он, а то и все мы, наверняка навлечем на себя гнев богов!

Все вздохнули с облегчением. Вот она мудрость, вот разгадка тайны!

И Нимрод вновь обрел свою царственность:

- Ты слышал слова мудрейшего из жрецов, - сказал он. – Я, Нимрод-Амра-Фул, владыка всех людей, повелеваю тебе отказаться от этих мыслей, которые могут только причинить огромный вред и горе тебе и любому, кто будет тебя слушать. Ты не должен более говорить обо всем этом – или ты умрешь! Здесь и сейчас ты должен оставить свои сомнения и выбрать себе бога, которому будешь верно служить. Настоящего бога, то есть, такого, какого можно увидеть на земле. Так повелел Я, Нимрод Грозный!

Теперь настала уже очередь мальчика смутиться и заволноваться.

- Но, Ваше Величество, - наконец выговорил он, - кого же я могу выбрать? Ведь это должен быть кто-то такой великий и добрый, что выше его нет. А все видимые боги подчинены чему-то более великому!

- Тогда, - заявил царь, - я помогу тебе выбрать бога. Ничто на земле не сравнится по силе с огнем. Он пожирает живое и неживое, людей и животных, он могуществен на земле, как сам Шамаш в высших сферах. Я, Нимрод, рожденный от могучего бога огня Осрам-Мазды и его Верховный жрец на земле, повелеваю тебе служить Осрам-Мазде. Поклоняйся огню!

- Но ведь огонь гасит вода, - возразил Аврам, - значит, он не является высшей силой!

- Что ж, тогда выбери воду, - ответил Нимрод, не задумываясь, - Поклоняйся богу рек и озер!

- Но ведь вода поглощается воздухом и разносится ветром, - продолжал Аврам.

- Тогда можешь выбрать ветер, - сказал Нимрод, - могучего бога бури, что поднимает морские волны, сгоняет тучи и сверкает стрелами своих молний!

Узник

- Но и ветер не всемогущ, - не унимался мальчик. – Человек может встать против ветра и переносить его в легких.

У Нимрода, наконец, кончилось терпение. Он поднялся и закричал:

- Значит, по-твоему, человек сильнее их всех? Что ж, тогда поклоняйся человеку, поклоняйся мне, самому могущественному из людей!

Мальчик дрожал от ужаса, но, проглотив слезы, он выговорил:

- Но, Ваше Величество, человек не может быть самой великой силой! Он сегодня здесь, а завтра его уже нет. Он не вечен!

Царь весь сотрясаясь от гнева. На его потном лбу выступила красная жила, бояться которую уже давно научились и друзья, и враги.

- Довольно! – загремел он. – Довольно! Хватит с нас этого злого духа! Не будешь поклоняться богам? Тогда умри в их честь! Ты отказался поклоняться огню, так я, Нимрод-Амра-Фул, Верховный жрец Зороастер великого бога огня Осрам-Мазды и его наместник на земле, постановляю, что огнем ты и будешь наказан!

И он дал знак страже:

- Отведите его к большой печи, в которой изготавливают кирпичи для Великой башни и храма. И бросьте его в огонь!

Стражники робко подошли к узнику, ибо он стоял выпрямившись и без страха, его глаза горели огнем. Но мальчик сказал:

- Делайте свое дело! Долго мне не было покоя от мысли, что же я могу сделать для Б-га, Который дал мне все. И если на то Его воля, чтобы я отдал свою жизнь в Его честь, то отдаю ее с радостью!

Нимрод вытер бровь, и слуги принялись обмахивать его веерами.

- Он помешан, - сказал царь, - объят злым духом. Поэтому ему и удалось сначала нас обворожить. Но, слава богам, я развеял его чары, дабы восторжествовала их власть.

Затем он повернулся к Ануки, старому жрецу, и спросил:

- Что скажешь о моем суде?

- Суд Вашего Величества ясен, как Наннар, и грозен, как Шамаш, - отвечал старец. – Ты воистину показал, что являешься наместником богов на земле, доблестным защитником веры против злых людей и духов!

Затем, обращая недобрый взор в сторону Харана, он громко добавил, чтобы слышала и толпа:

- Уверен, что и брат этого мальчишки теперь увидел истину. Но надо позаботиться о том, чтобы он раскаялся в своем богохульстве.

- Определенно, - сказал Нимрод. – Выходи, Харан, сын Тераха, и говори, на чьей ты теперь стороне!

По обе руки Харана встали два стражника. Тот склонил голову перед Нимродом.

Узник

- Да простит меня Ваше Величество, - начал он робко, - но я бы обманул своего царя, если бы сказал то, что он желает. Ибо в глубине сердца я не полностью убежден в том, что боги осилили Аврама.

- Что ты имеешь в виду?! – резко спросил Нимрод.

- При всем уважении к богам, Ваше Величество, быть может...

В этот момент в зале поднялся переполох. К трону, забыв о чести и этикете, подбежал капитан гвардейцев, бледный, как смерть, с выпученными глазами. Не дожидаясь разрешения приблизиться, пренебрегая всеми правилами протокола, он завопил истощенным голосом: «Ваше Величество!» - и пошатнулся. Он бы упал, если бы его не поддержали подоспевшие стражники.

- Ваше Величество... узник!..

- Что? – спросил Нимрод, в изумлении посмотрев на солдата, - что там с узником?

- Ваше Величество ... он ходит ... ходит в печи! Огонь не берет его! Он ходит, как в саду, посереде пламени!

- Это невозможно! – вскрикнул Нимрод, но весь задрожал. А затем выбежал из зала. Придворные, позабыв обо всех формальностях, устремились за ним.

Так, в открытой печи, узник, Аврам, спокойно ходил сквозь пламя.

Рядом стоял Нимрод, сотрясаясь всем телом, едва дыша.

- Аврам, выходи! – наконец позвал он.

Мальчик вышел из печи и отдал честь царю. Тот в ужасе отшатнулся.

Но Аврам, по всей видимости, едва заметил царя. Его взор был устремлен куда-то далеко. Лицо сияло счастьем и решимостью.

- Аврам! – позвал царь. – ты меня слышишь? Живет твой Б-г! Теперь я вижу. Он спас тебя! Молись Ему, чтобы простил меня. Ты свободен. Иди, и ты, и отец, но подальше отсюда. Никто тебя не тронет. Но нам не проповедуй. Ибо ты не обычный человек!

Тем временем медленно подошел Ану-ки и встал рядом с царем у открытой печи. На его лице отражалось крайнее возбуждение.

- Господин мой, царь, - тихо начал он чрезвычайно уважительным тоном, - даже если этот мальчик по какой-то причине снискал расположение своего Б-га и был спасен от пламени, тем не менее, как Верховный жрец Зороастер, Ваше Величество, конечно, не сомневается в силе огня. Быть может, Б-г Аврама умеет творить чудеса и даже побеждать бога огня. Но сумеет ли он победить дважды? Смеем ли мы на основе всего лишь одного случая предполагать, что Б-г Аврама могущественнее всех других богов? В любом случае, господин мой царь не нуждается в напоминании, что он посередине суда над братом мальчика. Посмотрим, что будет, если и его бросят в ту же печь!

Царь все еще трясся от шока по поводу невероятного спасения Аврама. Он едва держался на ногах, не сводя глаз с мальчика и с изумлением рассматривая, как огонь сжег только веревки, которыми тот был связал, но не обжег единого волоса на его голове. Но в то же время он осознавал, что на него пристально глядела толпа народа. Слова старого жреца

Узник

возымели эффект, и он быстро ухватился за шанс восстановить свой авторитет. Он по-царски повернулся и, дав знак придворным идти за собой, прошествовал обратно в тронный зал.

Медленно восстанавливалась чинная обстановка. Все внимательно наблюдали, как поведет себя царь. И Нимрод принял вызов.

- Харан, сын Тераха, - сказал он холодно, - сейчас мы все стали свидетелями силы Б-га Аврама. Но я, Нимрод, Верховный жрец могучего бога огня Осрам-Мазды и наместник богов на этой земле, говорю тебе: не испытывай терпение богов отрицанием их могущества. Предупреждаю тебя, что, хотя невидимый Б-г, о Котором говорил твой брат, показал, что может спасти, тем не менее, другими богами пренебрегать нельзя! Сейчас ты должен твердо заявить, что не будешь отрицать богов – или искать у своего Невидимого Б-га защиту от них! Что скажешь, Харан, сын Тераха?

Харана охватил страх. Взволнованным голосом он ответил:

- Ваше Величество! Если Невидимый Б-г мог спасти брата моего Аврама, то может спасти и меня!

Нимрод посмотрел на старого жреца. Ану-ки стоял рядом в напряжении, сжав кулаки. Нимрод тоже понимал важность момента, - ему необходимо восстановить свой авторитет. Но если и Харан не сгорит...

И Нимрод тихо процедил:

- Бросьте и его!

Под взорами толпы Харана вывели.

Царь занялся другими делами. Перед ним начали представлять разные вопросы и споры, и он всеми силами пытался восстановить нормальный режим работы после всеобщего возбуждения. Но постепенно, хотя вначале и незаметно, большой зал стал пустеть. Люди выходили и направлялись в большой печи, чтобы посмотреть, что там происходит. Под конец даже старый жрец не мог сдержаться и, извинившись перед царем, заспешил к печи.

К тому моменту все уже было кончено. Ану-ки быстро глянул в бушующее пламя, чтобы убедиться, довольно улыбнулся и возвратился в тронный зал. Увидев его, Нимрод вопросительно посмотрел на него. Старый жрец медленно кивнул. Тогда улыбнулся и царь. Он был доволен. С кризисом удалось покончить. А на лице людей, увидевших царскую улыбку, воцарился страх.

Затем Нимрод велел привести Тераха с Аврамом в его личные покои.

- Прощай, Терах, сын Нахора, и ты, юный Аврам. – в его голосе слышалась победная нотка. – Кажется, твой Б-г все-таки не такой уж могучий. Ибо сейчас на наших глазах боги отомстили за неуважение, которое ты к ним проявил.

Терах молча стоял перед тираном, который убил его сына. По правую его руку стояла мать Харана, Адена, дочь Авара-Наху, и тихо плакала. Слева от него стояла другая жена Тераха Ам-тала-а, дочь Кар-Небо, втихую довольная, но с волнением ожидая, каким еще испытаниям подвергнет их царь. Сам Терах помрачнел и осунулся. Он был потрясен

Узник

смертью Харана, и, что самое ужасное, он сам все это на себя навлек. Но почему же, - вопрошал он про себя, - Невидимый Б-г, спасши Аврама, не спас и Харана?

- Ваше Величество! – нарушил мысли отца молодой голос Аврама. – Б-г всемогущ и Он воистину Б-г всех богов! Но более всего Он желает, чтобы мы пришли к осознанию этого сами, а не силой сотворенных Им чудес. По этой причине, даже когда Он совершает чудеса и знамения, он не позволяет всему этому отнять у нас свободу выбора, верить в Него или нет. Почему было суждено спастись мне, а не брату, не могу сказать. Но теперь, раз Б-г спас меня, я знаю, что Он это сделал для того, чтобы я разнес знание о Нем по всему миру.

Царь махнул рукой, как бы отрицая эти слова, произнесенные мальчиком столь твердо и решительно. Вперед выступил Ану-ки. Он шепнул царю:

- Мне очень не по себе от этого мальчика, Ваше Величество! Я чувствую, что он еще вернется, даже в этот дворец, и вновь бросит вызов моему господину, как и предсказывали астрологи при его рождении.

Он на минутку умолк, а затем вдумчиво продолжил:

- Если бы как-нибудь удалось организовать за ним слежку... Так хотя бы сможем получить предупреждение.

Нимрод сразу понял. Будучи воином и охотником, он думал о том же, и у него уже был план. И, как бы в ответ на речь Аврама, он сказал:

- Ты заблуждаешься, юнец. Но ты говоришь смело. И за смелость я тебя хвалю. Поэтому перед твоим уходом я, Нимрод, желаю сделать тебе личный подарок, - он холодно улыбнулся, - подарок богатыря богатырю. Даю тебе своего сына Элиезера. Он будет сопровождать тебя в пути и следить, чтобы никто тебя не тронул. И он будет тебе служить, - у тебя будет свой собственный слуга – дар Нимрода Грозного!

Обращаясь к Ану-ки, он сказал:

- Вели ему готовиться.

И встал, давая понять, что аудиенция окончена.

И пошли они из Ура Халдейского по направлению к земле Кнаан. Но когда пришли в Харан, то задержались там на несколько лет.

И там, в Харане, начали люди собираться к Авраму, и стали его идеи распространяться по всему миру.

Adapted by O. Y. Baddiel

London, England

O. I. Баддиль

Лондон, Англия

Translated from the English by Rabbi Meir Moutchnik, to whom many thanks.

Перевод с английского Меира Мучника, которому выражается благодарность.